

Вспоминая Владимира Харитоновича

Е. И. Чазов (Москва)

Трудно поверить, что мы отмечаем 100-летний юбилей В. Х. Василенко. Кажется, еще вчера с присущим ему остроумием он председательствовал на заседаниях Московского терапевтического общества, а на расширенных консилиумах с блеском раскрывал свой талант врача.

Владимир Харитонович в определенной степени легенда советской терапии. Основы медицины я начал познавать в Киеве и помню, как в те 40-е годы имя В. Х. Василенко склонялось в среде профессоров и студентов. Еще бы. Представитель киевской терапевтической школы достиг таких вершин — возглавляет в Москве кафедру, консультирует в Кремлевской больнице. Из былей и небылиц его жизни и работы в Киеве, Львове, Москве я вынес одно — судьба и талант могут обычного на первый взгляд студента и врача вынести на вершину славы. Славы не в мещанском понимании почестей, которые могут обрушиться на человека, а в признании профессионалами твоей значимости в той области знаний, которой ты себя посвятил.

Для этого не надо было даже знать близко В. Х. Василенко, достаточно познакомиться с его "Проледевтикой", на которой выросло не одно поколение советских врачей. Только прекрасный врач и преподаватель мог так просто, ясно, доступно изложить "азы" врачебной профессии.

Надо сказать, что вообще Владимиру Харитоновичу была присуща лаконичность, четкость и образность в изложении мыслей и представлений. Я помню многочисленные дискуссии, длинные речи специалистов разных областей медицинских знаний по поводу понятия "болезнь". И как просто, одной фразой выразил Владимир Харитонович его суть: "Болезнь — есть реакция организма на его повреждение".

В 60-е годы жизнь и работа близко познакомила меня с Владимиром Харитоновичем. Надо сказать, что отношения моего учителя А. Л. Мясникова и В. Х. Василенко, мягко говоря, были прохладными. История всегда должна быть объективной. Не знаю, какая "кошка" пробежала между ними, но эти два неординарных врача, преподавателя и человека, недолюбливали друг друга. Я был одним из самых близких А. Л. Мясникову сотрудников и естественно было ожидать, что чувства Владимира Харитоновича распространятся и на меня. Я помню защиту докторской диссертации в Академии медицинских наук. Тогда существовал академический совет для защиты диссертаций и в него входил весь цвет медицинской науки. Коллеги, друзья, да и Александр Леонидович, обсуждая предстоящую защиту, говорили, что единственный, кто может выступить против этого — В. Х. Василенко, учитывая его отношение к Институту терапии.

Действительно, Владимир Харитонович был больше практик, чем ученый. Он требовал от науки практического выхода, близости к больному и не всегда воспринимал теоретические рассуждения коллег. "Наука существует не для того, чтобы усложнять работу практического врача. Ближайшая задача — трезвая оценка практического значения многочисленных графических методов, ленты которых опутывают некоторых врачей, напоподобие змей, обволакивающих Лаокона и его сыновей". В этом его высказывании — его кредо ученого и врача. Понятно волнение моих друзей, когда во время защиты диссертации попросил слово В. Х. Василенко. "Много диссертаций вы-

ходит из стен Института терапии, — говорил он. — Большинство услаждает слух и тщеславие руководителя, диссертанта и остается ожидать читателя в библиотеке. Сегодня, наконец-то, институт представил то, что нужно медицине, науке, больному". Я был поражен объективностью В. Х. Василенко, который смог перебороть свою неприязнь к учреждению, из которого выходила диссертация, ради правды. Сегодня, когда общество раздирают интриги, зависть, лицемерие, с болью в сердце вспоминаем объективность и честность поколения учителей.

Владимир Харитонович прошел нелегкий жизненный путь. Одно "Дело врачей" могло его сломать, сделать желчным, замкнутым, разуверившимся в людях и справедливости. Но, наверное, не было большего, чем он, оптимиста в академической профессорской среде. Я помню, как однажды мы вместе с Н. Н. Блохиным, ожидая приезда на консилиум Владимира Харитоновича, узнали, что он попал в автомобильную катастрофу. Водитель сообщил, что "профессор, которого он вез, без сознания". Естественно, стали возникать самые тяжелые невероятные предположения. Проходит примерно 20 минут, мы ожидаем новостей, и вдруг открывается дверь и входит, как ни в чем не бывало, Владимир Харитонович. Оказалось, что у него во время столкновения машин было короткое "синкопэ". У Н. Н. Блохина вырвалось: "А мы ведь Вас чуть не похоронили". "Не дождетесь, — ответил В. Х. Василенко. — Я еще долго буду всем надоедать. Говорят, Берия начал писать стихи после того, как упал со второго этажа. Ну а я проведу столько заседаний, напишу столько отчетов о своей деятельности и доложу Вам — академикам, что Вы обязательно сделаете все, чтобы меня, слава Богу, не переизбрали" (в это время Владимир Харитонович был академиком-секретарем Отделения клинической медицины). В этом был он весь. Чуть не погибнув, он мог сохранять спокойствие и отпускать шутки.

Его любили больные. Мне пришлось консультировать больных со всеми нашими ведущими терапевтами. Каждый из них был индивидуальность, каждый из них был блестящий ученый, клиницист, кто-то по объему знаний и таланту превосходил В. Х. Василенко. Но с точки зрения общения с больным, с точки зрения не теоретической, а практической оценки диагноза, лечения ему не было равных.

В чем залог его успеха как врача? Лучше всего на этот вопрос ответил он сам: "Профессия врача — это особая профессия. Основное при оказании медицинской помощи — своевременное установление диагноза, назначение необходимого лечения. Но помимо этого, огромную роль в успешном лечении играют взаимоотношения врача и больного — такт, любовь к человеку, нередко и самоотверженность".

Во время моего становления как врача и ученого в Москве, я считаю, было три корифея медицинской терапевтической науки — А. Л. Мясников, Е. М. Тареев, В. Х. Василенко. Каждый из них внес свой вклад в развитие советской терапевтической школы. От каждого мы пытались что-то черпать: от А. Л. Мясникова — талант ученого, от Е. М. Тареева — энциклопедические знания, а от В. Х. Василенко — талант врача, служащего своему народу, своим пациентам.